

М. А. ЗАБОРОВ

КРЕСТОВЫЕ ПОХОДЫ
В РАБОТАХ РУССКИХ ИСТОРИКОВ НАЧАЛА XX в.

История крестовых походов привлекла к себе особенно пристальное внимание русских историков в начале XX столетия¹. В 1901—1916 гг. работы на эту тему появлялись каждые два-три года, а иногда и чаще. Всего за эти шестнадцать лет было издано почти полтора десятка различных сочинений — от небольших заметок и статей до объемистых книг; цифра довольно значительная, если учесть, что отечественная историография крестовых походов за все предшествующее время представлена примерно таким же количеством произведений.

Интенсивное изучение и популяризация истории крестовых походов осуществлялись в начале XX в. и зарубежными — западноевропейскими, в меньшей мере — американскими медиевистами. Причины, побуждавшие историков основных империалистических стран, включая Россию, к усиленной разработке крестоносной проблематики, коренились главным образом в специфике международных отношений периода, предшествовавшего первой мировой войне. Во все более накалявшейся международной атмосфере того времени серьезное политическое значение приобретала проблема взаимоотношений Запада и Востока, перспектив их развития, а следовательно, и судеб в прошлом. Внимание ученых приковывали, в частности, такие вопросы, как участь Константинополя и проливов, различные исторические аспекты господства на Ближнем Востоке и т. п. Естественно, крестовые походы, послужившие в свое время важной вехой в истории взаимоотношений Запада и Востока, не могли остаться вне поля зрения исторической науки. Разработка этой темы была использована идеологами монополистической буржуазии для нужд идейно-политической подготовки приближавшейся империалистической войны.

В России интерес к истории отношений Запада с Востоком вообще и крестовых походов в особенности проявлялся с тем большей остротой, что внешнеполитические устремления правящих кругов страны в значительной мере концентрировались вокруг Константинополя, проливов, Передней Азии. Русские историки, как и историки западных стран, искали в прошлом ключ к истолкованию настоящего — разумеется, в соответствии с теми классовыми интересами, которые в конечном итоге определяли то или иное решение выдвигавшихся наукой задач. Вместе с тем усиленное внимание отечественных историков (преимущественно буржуазно-помещичьего лагеря) к крестоносным сюжетам диктовалось

¹ О трудах отечественных авторов XIX в. на данную тему см. наши обзоры в ВВ, IV, 1951, стр. 173—180; XXI, 1962, стр. 183—197; XXII, 1963, стр. 227—259.

стремлением господствующих классов страны, переживавшей в начале XX в. могучий революционный подъем, преградить путь идеям революции при помощи энергичной церковно-религиозной обработки сознания трудящихся масс. Соответствующая интерпретация истории крестовых походов могла сослужить официальной пропаганде определенную службу в этом отношении.

Первым по времени и притом значительным явлением русской исторической литературы начала XX в. в интересующей нас области была «История крестовых походов» Ф. И. Успенского (СПб., 1901). Автор развивал в ней основные идеи, выдвинутые им еще в очерке «Византия и крестоносцы» (1892)², прежде всего — представление о противоположности интересов Западной Европы и Византии как важнейшей движущей силы крестовых походов³. Под этим углом зрения ведется изложение всего фактического материала. Характеризуя дипломатическую предысторию Первого крестового похода, а затем все более учащавшиеся распри между рыцарями и Византией уже во время самого похода, Успенский указывает, что главным носителем вражды Запада к Восточной империи были вначале южноиталийские норманны: именно они внесли в крестоносное движение «политические счеты и вражду к Византии» (стр. 19). В дальнейшем этот антагонизм, выросший, по справедливому мнению историка, на почве завоевательных устремлений южноиталийских князей и рыцарства (Бозмунд Тарентский), продолжал углубляться. В него вовлекались новые силы Запада: итальянские торговые города, Германская империя, папство. К середине XII в. в Западной Европе стало складываться убеждение, что на пути крестоносцев стоит Византия (стр. 66). К концу столетия для западных политических деятелей «не оставалось сомнения», что корень неудач крестоносных предприятий «лежит в систематическом противодействии европейцам со стороны византийского императора» (стр. 113). Развивавшийся таким путем антагонизм привел крестоносцев в конце концов под стены Константинополя: в начале XIII в. Запад открыто напал на Византийскую империю. Успенский не без основания видел основную причину нарастания западно-византийских противоречий в том, что усиление государств крестоносцев на Востоке шло вразрез с политическими интересами Константинопольской империи, именно поэтому и оказывавшей систематическое противодействие крестоносным ополчениям.

Своеобразие концепции Успенского состояло в том, что крестовые походы трактовались им прежде всего как предприятия, направленные против Византии. Эта концепция, несомненно, давала возможность убедительно объяснить многие моменты в истории крестоносного движения, хотя и содержала значительный элемент субъективизма. Во всяком случае со времени появления работы Успенского отношения между Западом и Византией как существенный фактор, влиявший на ход и исход крестоносных предприятий, приобрели права гражданства в исторических трудах.

Успенский был одним из первых историков крестовых походов, который вообще стал уделять серьезное внимание международной политике XII—XIII вв. Мысль о том, что в эту эпоху «большое значение для успеха всех внешнеполитических предприятий имели союзы, симпатии или ан-

² См. о нем в ВВ, XXII, 1963, стр. 241—244. Самый текст очерка «Византия и крестоносцы» целиком вошел в разбираемую книгу Успенского.

³ Сходную в какой-то мере постановку вопроса мы находим в исследовании В. Нордена (W. Nordens. Der Vierte Kreuzzug im Rahmen der Beziehungen des Abendlandes zum Byzanz. Berlin, 1898). Однако Успенский рассматривает проблему в целом на гораздо более широком материале истории всего крестоносного движения.

гипотезы государств» (стр. 57), получила в книге Успенского конкретное воплощение в целом ряде ценных наблюдений и выводов относительно судеб как трех первых, так и в особенности Четвертого крестового похода, который, по определению автора, являлся «результатом политических отношений того времени: с одной стороны, между империями восточной и западной, с другой — между Венецией и Византией» (стр. 105). Успенский вводил таким образом историю крестовых походов в рамки международных политических отношений XII—XIII вв. — это было бесспорным достижением медиевистической мысли. Крестовые походы перестали представляться результатом чисто религиозной борьбы, как они сплошь да рядом рисовались в исторической литературе XIX в. «Священные войны» рыцарства отныне предстали в виде серии мероприятий политического характера, непосредственно связанных с развитием международной жизни своего времени.

Несмотря на отмеченные достоинства работы Успенского, в целом она несла на себе отчетливый отпечаток идеалистических исторических взглядов и реакционных политических убеждений историка. Успенский не только не сумел вскрыть социально-экономические предпосылки крестовых походов, но, в сущности говоря, отказался от анализа общих причин этого движения, ограничившись констатацией того, что они «остаются до сих пор не вполне ясными» (стр. 2). Иногда он явно преувеличивал значение религиозных мотивов в крестовых походах (стр. 113).

В работе Успенского были налицо сильные элементы модернизации, имевшей реакционную политическую подоплеку. Успенский был одним из усердных проповедников внешнеполитической программы самодержавия⁴. В крестовых походах он видел «эпизод столкновения двух миров, разделяющих и поныне господство в Европе и Азии». Мало того: он усматривал в них «вступительную главу в историю восточного вопроса, в разрешении которого Россией суждено принять деятельное участие» (стр. 2). Многие страницы книги отражали стремление ученого исторически обосновать захватническую политику царизма на Ближнем Востоке. Успенский всячески идеализировал политику византийских императоров по отношению к крестоносцам (стр. 14). События крестовых походов служили для него материалом, на базе которого строилась целая политическая концепция, обращенная к настоящему. Историк извлекает своего рода политический урок из истории крестовых походов: оказывается, их цели «нельзя было достигнуть без содействия Византийской империи. Руководители крестовыми походами просмотрели громадную силу в греческом духовенстве и воспользовались ею против себя... Завоеванием Византийской империи крестоносцы создали себе в будущем непреодолимые затруднения. Отсутствием гуманности и политической дальновидности по отношению к Византии крестоносцы лишили себя серьезного союзника» (стр. 168). В другом месте эта же мысль формулируется еще более четко: «Христиане на Востоке должны были преследовать одну цель: твердо сохраняя солидарность между собою, они должны были заключить в то же время прочный союз с Византийской империей и направить все силы на мусульман» (стр. 47). В этих «запоздалых» поучениях — довольно определенной, хотя и завуалированная историческим флером, политическая теория: крестоносцы совершили промах, сокрушив Византию; их захватническая политика на Востоке была бы вполне оправдана в том случае, если бы они поделились завоеванным с византийскими императорами; не сделав этого и потерпев вследствие того поражение, Запад принял на себя большую вину «перед судом истории» (стр. 169).

⁴ См. подробно З. В. Удалцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского. — ВИ, 1949, № 6, стр. 123.

Существо всех этих рассуждений станет совершенно ясным, если вспомнить, что наследниками константинопольских царей Успенский считал российских самодержцев (теория «третьего Рима»)⁵. Развивая тезис о виновности Запада перед Византией, Успенский словно указывал, что ныне историческая ошибка крестоносцев может и должна быть искуплена их потомками, а преемникам василевсов, незаслуженно претерпевших от Запада, надлежит восстановить исторические права православия на мусульманском Востоке, опрометчиво погранные в свое время крестоносцами.

Необходимо особо остановиться на оценке Успенским значения крестовых походов. Она не была достаточно последовательной. С одной стороны, в ней заметны были отзвуки традиционных представлений: историк писал о крупных последствиях, которые крестовые походы якобы имели для судеб западноевропейской цивилизации (стр. 1). С другой стороны, Успенский довольно явственно отрицал какую бы то ни было положительную роль крестовых походов в истории; он высказывал сомнение в справедливости общепринятого взгляда относительно значительной степени воздействия «крестовых походов на прогресс средневекового общества». «Трудно говорить о том, — читаем мы на заключительных страницах книги, — уравниваются ли громадные жертвы и потери той пользой, которую извлекло средневековое общество из знакомства с Востоком» (стр. 169). Историк склонен скорее признать, что «выгоды» от крестовых походов были «неизмеримо ниже потерь и убытков», а «влияние крестовых походов на прогресс средневекового общества подвергается значительному колебанию, если принять во внимание естественный процесс эволюции, который и без крестовых походов мог привести средневековые народы к успехам на пути политического развития» (стр. 169—170). Отрицание Успенским прогрессивной роли крестовых походов вытекало из его общего представления о характере этих войн: ведь они, с его точки зрения, приняли ложное, антиконстантинопольское направление, привели к гибели православную Византию, воспрепятствовав второму Риму утвердиться на Востоке.

Каковы бы ни были идейные истоки конечного отрицания Успенским прогрессивности крестовых походов, однако само по себе оно безусловно означало решительный шаг к более реалистичному и правильному пониманию подлинного места крестовых походов в истории (по сравнению с традиционными представлениями, которые в той или иной форме разделяли в начале XX в. почти все медиевисты)⁶.

С идейно-политическими установками книги Успенского как бы перекликались основные положения вышедшего в 1903 г. фундаментального исследования А. Попова «Латинская Иерусалимская патриархия эпохи крестоносцев» (СПб.). Под очевидным влиянием конфессионально-политических соображений эти установки здесь были доведены до крайности, в результате чего вся история крестовых походов получила чрезвычайно однобокое и искусственное освещение. Основанная на тщательном изучении весьма широкого круга источников (латинских, греческих, арабских хроник, эпистолярия, грамот, законодательства Иерусалимского королевства и пр.)⁷ и серьезном знакомстве автора с запад-

⁵ См. З. В. Удадьцова. К вопросу об оценке трудов акад. Ф. И. Успенского, стр. 123.

⁶ Книга Ф. И. Успенского вызвала живой интерес русской исторической общественности. Нам известны по крайней мере четыре рецензии на нее: В. В. Соколова (ВВ, VIII, 1901, стр. 209—212), П-ва (?) («Мир божий», 1901, № 7, стр. 105—106), Е. (?) («Исторический вестник», 1901, № 6, стр. 1156—1160) и безымянного автора (ЖМНП, 1901, № 9, стр. 256).

⁷ В некоторых случаях Попов привлекает также вещественные памятники, в том числе изученные непосредственно им самим. Так, тезис об этнической пестроте населе-

ной литературой по истории крестовых походов, его монография, впрочем, содержала исключительно богатый фактический материал относительно различных сторон социально-экономической и религиозно-политической жизни государств крестоносцев в XII—XIII вв. Более того, по своей фундированности, по охвату самых разнообразных данных источников, по глубине научной эрудиции труд Попова принадлежит к числу перво-разрядных образцов отечественной дореволюционной литературы по крестовосной проблематике⁸. Главная ценность этой монографии заключалась во множестве сделанных в ней интересных конкретных наблюдений (как в отношении самих крестовых походов, так и особенно в области социально-экономической и церковно-политической истории Иерусалимского королевства), в корне подрывавших апологетические представления западной, прежде всего католической, историографии. Изобличая несостоятельность бесконечных дифирамбов ее представителей в адрес защитников гроба господня, автор во многих случаях восстанавливал гораздо более правдивую картину утверждения и господства франкских завоевателей в Восточном Средиземноморье.

В противоположность ряду западноевропейских историков, идеализировавших крестоносную эпопею, и опираясь на твердые факты, в большом числе извлеченные им из источников, Попов сформулировал верный по сути дела (хотя, конечно, не исчерпывавший сложности вопроса) тезис, что крестовые походы вовсе не были предприняты, как полагали эти историки, ради освобождения христиан Востока от ига неверных (ч. I, стр. 184): крестоносцы, писал он, «шли на Восток... с единственной целью наживы и обогащения каким бы то ни было образом» (стр. 194), они жаждали лишь «приобрести деньги и имущества, города и земли» (стр. 195).

Это в равной степени относится как к рыцарству, так и к церковно-служителям, отправившимся на Восток: «многие из клира крестоносцев были такие же искатели приключений, пустой славы и богатства, как и многие из баронов и графов, принимавших участие в крестовых походах» (ч. I, стр. 12); они стремились лишь к тому, чтобы «каким-либо способом приобрести высший титул и богатство при разграблении городов Сирии» (там же). Точно так же целью папства при возбуждении крестовых походов являлось «не освобождение восточных христиан, а завоевание и порабощение восточных церквей римскому престолу» (стр. 194; ср. стр. 208); папство рассчитывало при помощи крестовых походов осуществить

ния Иерусалимского королевства подкрепляется, помимо данных хроник и документов, ссылками на разнообразие монет того времени. «Нам самим, — пишет при этом автор, — приходилось видеть в Иерусалиме три коллекции (у архимандрита о. Антония, архитектора Шикка и архесцота Альбенго) монет, найденных в св. земле и принадлежащих разным нациям Запада» (стр. 48).

⁸ Он состоит из двух частей общим объемом более 40 печ. листов. В первой части рисуется история основания латинского патриархата в Сирии и Палестине в конце XI — начале XII в. (стр. 1—51), описываются церковные порядки Иерусалимского королевства, включая экономическое положение и юридический статус духовенства, его взаимоотношения со светскими властями и с духовно-рыцарскими орденами (стр. 52—141), а главным образом характеризуется социально-экономическая и религиозная политика крестоносцев в отношении местного населения (стр. 142—352). Кроме того, автор дает здесь обширный экскурс специально в область церковной архитектуры Иерусалимского королевства, (стр. 384—440), доказывая в хорошо аргументированной полемике с французским археологом М. Вогюэ, что крестоносцы почти не оставили после себя архитектурных памятников: они не соорудили храмовых и монастырских зданий, а использовали старые, захваченные ими сооружения. Вторая часть включает в себе подробные, составленные в итоге скрупулезной проработки документального материала списки и биографии всех латинских патриархов, архиепископов и епископов (стр. 3—126), а также историю монастырей св. земли в эпоху крестоносцев и биографические сведения об аббатах и приорах этих монастырей (стр. 128—206).

«величественные, но низменного свойства, замыслы... на всемирное господство» (стр. 383—384).

Все эти положения не просто постулировались, но доказывались автором на основе богатого фактического материала.

Очень подробно, со множеством ярких деталей, почерпнутых в известиях современников крестовых походов, рисовал Попов жестокости крестоносцев по отношению к населению византийских (ч. I, стр. 210 сл.) и сирийско-палестинских областей (там же, стр. 221 сл.), их грабежи и насилия (стр. 223 сл.), а также — и это самый важный раздел его исследования, не утративший, на наш взгляд, своего значения и по сей день, — те способы, при помощи которых франкские завоеватели выкачивали богатства Сирии и Палестины, нещадно эксплуатируя как мусульман, так и единоверцев (регулярные и чрезвычайные налоги — ч. I, стр. 274 сл., 280 сл., натуральные повинности — стр. 277 сл. и контрибуции — стр. 321 сл., обложение ремесла и торговли — стр. 283 сл., наследование выморочных имуществ — стр. 289, штрафы и конфискации — стр. 290 сл. и проч.).

Большой интерес представляет, в частности, данный автором систематический анализ имущественных описей латинских церковных учреждений в государствах крестоносцев: церкви св. гроба в Иерусалиме, а также Сионского и Иосафатовой долины монастырей (ч. I, стр. 113 сл., 136 сл.). Опираясь на материалы этих описей, Попов выразительно нарисовал хищнический облик крестоносного духовенства, всецело поглощенного стяжательством, «променом и отдачей в аренду имений» (стр. 115), покупкой сел с прилежащими к ним различными угодьями (стр. 124 сл.), приобретением виноградников, садов, пустопорожных земель (стр. 127 сл.), домов, печей, мельниц (стр. 129 сл.), получением всякого рода доходов — добротных приношений, десятины, арендной платы за сдаваемые в наем дома (стр. 132—135) и т. п.

Развивая и углубляя воззрения Успенского на крестовые походы, Попов также выражал обоснованное сомнение в правильности укоренившегося в западной научной литературе взгляда о благотворности их последствий для цивилизации. На вопрос «искупается ли всеми полученными от крестовых походов выгодами то бесчисленное количество человеческих жизней, какое Запад принес в жертву этим походам?», автор давал категорически отрицательный ответ: кратковременный успех крестоносного Запада на Востоке был куплен «слишком дорогой ценою — целым морем пролитой крови» (ч. II, стр. 209); а «те или другие выгоды», «случайно и попутно доставшиеся на долю Европы, как следствия самих походов», «еще менее стоят миллионов загубленных жизней и потраченных на то сил и времени, тем более, что те же самые выгоды, и даже большие, могли быть достигнуты другим путем, посредством путешествий и частых торговых сношений с Востоком» (стр. 210). Продолжая далее анализ проблемы значения крестовых походов, — и в этом отношении Попов — едва ли не единственный из дореволюционных историков, поставивший вопрос в такой плоскости, — он обращал особое внимание на «другую сторону, обыкновенно замалчиваемую западными историками» (стр. 210), — на пагубные последствия крестовых походов для Востока: «Народы Востока не только не получили от крестовых походов и малой доли тех сравнительно ничтожных благ, какие получил или считает себя получившим Запад, вроде умножения знаний и денежного обращения; но для них крестовые походы были прямо губительны и кроме разрушения и сожжения городов и сел, опустошения полей и истребления лесов и садов, расхищения имущества и разорения и обнищания уцелевшего от истребления населения ничего не принесли» (там же). И далее Попов про-

низировал над теми, кто привык превозносить благодетельные последствия крестовых походов: «Что же значат в сравнении с такими благодеяниями арабские цифры, невиданные животные и большие корабли, с которыми познакомился Запад через крестоносцев?» (стр. 211) — тезис, правильность которого в целом неоспорима.

Несомненно, однако, и другое, а именно: общая концепция и общий смысл исследования Попова полностью определялись теми злободневными политическими интересами, на страже которых в ряду прочих общественных сил стояли и верхи русской православной церкви, верой и правдой служившие самодержавию и освящавшие его ближневосточную политику. Попов был священнослужителем, и сама работа его была издана с одобрения высоких церковных инстанций. Как и Успенский, но гораздо более открыто выражая свои политико-пропагандистские намерения, Попов подчеркнуто отстаивал представления, исторически обосновывавшие позицию царизма в восточном вопросе. В этом, собственно, заключался весь пафос его исследования, все его мотивы и цели.

Автор связывал непосредственно с крестовыми походами зарождение восточного вопроса (они «создали неведомый дотоле восточный вопрос» — ч. II, стр. 212—213), который трактовался им в сугубо официальном духе⁹. Интерес истории крестовых походов в глазах исследователя состоит прежде всего якоры в том, что это история возникновения ставшего затем вековым конфликта католического Запада и православного Востока из-за обладания святыми местами («Корень всей этой борьбы и полных ненависти и вражды отношений между христианами... лежит в крестовых походах» — ч. II, стр. 267). Постановка самой темы исследования была продиктована главным образом стремлением автора доказать, что «западные народы, двинутые папами на освобождение св. мест Палестины из рук мусульманских, завладели этими святынями и на м е с т о и с к о н н ы х и з а к о н н ы х и х х о з я е в (sic! — М. З.), православных, поставили самих себя» (ч. I, стр. VIII). Этим была «нанесена кровная обида, было учинено невероятное оскорбление, был совершен громадный обман одних со стороны других» (ч. I, стр. VII—VIII). Иначе говоря, если кто и виноват в доселе происходящей в Палестине «страшной борьбе между христианскими вероисповеданиями» (которая ведется, как думает автор, исключительно за «обладание св. местами», т. е. на религиозной почве, — ч. I, стр. VII), то вся вина падает на латинский Запад, поправший еще во времена крестовых походов законные права православия. Отсюда сам собой напрашивался вывод о справедливости и правомерности их восстановления, т. е. вытекало историческое оправдание политики царизма в восточном вопросе.

Монография А. Попова от начала и до конца была проникнута этой тенденцией. Сплошь да рядом в ней встречались прямые политические выпады против «крестоносного Запада» в целом, выпады, делавшиеся с позиций рьяного приверженца политического курса православной церкви. Завершалась же работа Попова очерком исторического развития восточного вопроса (до конца XIX в.), целиком выдержанным в духе официальной пропаганды.

Этот «ортодоксальный» характер идейно-политического кредо Попова, исходя из которого он осуществлял свое исследование, обусловил и крупные принципиальные недостатки последнего. Важнейший из них, по нашему мнению, в крайнем, сплошь да рядом искусственно односторон-

⁹ С точки зрения Попова, цель восточной политики православной России бескорыстная — «освобождение единоверных и единоплеменных народов от турецкого ига», тогда как «крестоносный Запад» все еще и ныне «мечтает об утверждении своего господства на Востоке» (ч. II, стр. 212).

нем преувеличении якобы антиправославной направленности крестовых походов — тенденция, истоки которой восходят еще к писаниям реакционных публицистов середины XIX в.¹⁰ С этим связан и крайне упрощенный взгляд автора на крестовые походы как движение, на протяжении всей своей истории якобы остававшееся неизменно противоправославным, и отказ от какого бы то ни было анализа социально-экономических и идеологических предпосылок крестовых походов, а также их эволюции, и беспомощность автора в решении многих частных проблем.

Одновременно с монографией Попова и вскоре после нее, уже накануне и во время русско-японской войны, отечественными авторами было издано несколько популяризаторских работ по истории крестовых походов. Они были написаны на гораздо более низком уровне сравнительно с только что разобранными сочинениями. Некоторые из них представляли собой лишь слегка прикрытую наукообразной видимостью, а другие и вовсе откровенную историко-политическую пропаганду, служившую целям самодержавия. Такова брошюра «Крестовые походы» (автор неизвестен), выпущенная в 1903 г. Харьковским обществом грамотности; таковы же книги «Крестовые походы для освобождения Святой земли» под редакцией В. В. Федорова (опубликована в 1904 г. Петербургской комиссией народных чтений) и «Крестовые походы (Историческая хроника)» А. А. Федорова-Давыдова (М., 1904).

Авторами этих книг руководило прежде всего стремление прославить высокую набожность крестоносцев, их преданность религиозным идеалам¹¹. Крестовые походы изображались преимущественно как религиозное движение, в котором якобы сплотилось все европейское человечество, охваченное героически-светлым, религиозным порывом¹².

Мусульмане — противники крестоносцев — сплошь да рядом изображались «дикими хищниками», повсюду вырезавшими христиан¹³. Вообще христианство и христианский мир резко противопоставлялись исламу и мусульманскому миру: первый выступал истинно человечным, справедливым, геройски отстаивающим правые религиозные идеалы; второй — неким олицетворением мирового зла. Возбуждение ненависти к «нехристям», проповедь религиозной нетерпимости — одна из главных тенденций рассматриваемых сочинений¹⁴.

В условиях российской действительности времени русско-японской войны и кануна народной революции историческая апологетика «героического христианства» должна была пробуждать и усиливать националистическую и религиозную экзальтацию, уводить в сторону от острых социально-политических проблем современности, глушить оппозиционные и тем более революционные настроения, разжигать шовинизм в отношении всех и всяких иноверцев¹⁵.

¹⁰ См. об этом в нашей статье в ВВ, XXI, 1962, стр. 192—194.

¹¹ В книжке «Крестовые походы» (Харьков, 1903) «сила веры» средневековых народов даже противопоставлялась — и притом не без сожаления — «неверию нынешнего века» (стр. 3—4).

¹² См. А. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 13; В. В. Федоров. Указ. соч., стр. 39, 43 и др.

¹³ В. В. Федоров. Указ. соч., стр. 39 и др.

¹⁴ См. А. А. Федоров-Давыдов. Указ. соч., стр. 3, 8, 15, 34 и др.

¹⁵ Политическую направленность всей этой литературы чрезвычайно ясно раскрывает, в частности, заключение харьковской брошюры «Крестовые походы». В нем описывается положение святой земли и условия паломничества... в начале XX в., рассказывается о целях «Императорского Палестинского общества», представляемого в виде чисто религиозной благотворительной организации, и содержится призыв к читателям «хоть что-нибудь пожертвовать в пользу этого (Палестинского.— М. З.) общества, хотя бы самую малость» (стр. 48). Книга В. Федорова также заканчивалась напоминанием читателю, что Иерусалим и до настоящего времени находится «во власти маго-

Таким образом, по своей идейно-политической направленности все эти работы были обращены в сторону актуальных проблем политики российского самодержавия и направлены на поддержку его империалистических поползновений на Ближнем Востоке. Работы эти изобиливали ошибками, несообразностями, неточностями, а то и нелепостями¹⁶. Часто авторы некритически воспроизводили различные традиционные домыслы, давно уже признанные недостоверными, допускали натяжки, невероятную фактическую путаницу, произвольные смещения в хронологии и причинной связи событий, ни на чем, кроме авторского вымысла, не основанные, подчас весьма примитивные толкования и т. п. Лишь в отдельных, очень немногих местах указанных произведений высказывались сравнительно реалистические суждения¹⁷ и учитывались некоторые новые данные, полученные исследователями конца XIX в. в области установления фактического хода крестоносного движения. В целом, однако, подход авторов к материалу отражал давно пройденную ступень развития историографии крестовых походов.

В ряду интересующих нас сочинений этого времени особняком стоит напечатанный в 1905 г. в «Трудах Киевской духовной академии» этюд киевского медиевиста В. Родникова «Забытый документ». Он принадлежит к числу исследований «академического» порядка, не являвшихся столь непосредственным, как разобранные выше работы, отражением официального пропагандистского курса. Это — конкретное исследование, посвященное разбору письма¹⁸ оставшегося неизвестным очевидца взятия Константинополя участниками Четвертого крестового похода. Путем тщательного рассмотрения сведений, содержащихся в письме Анонима, и сопоставления их с данными произведений Жоффрау Виллардуэна, Никиты Хониата и переписки Иннокентия III Родников в общем достаточно убедительно определил социальное положение автора документа, характер его политических воззрений (это был, по мнению историка, «крайний приверженец папы» — стр. 10) и личность: он считал составителем письма Иоанна Фиезского, феодального барона, одного из предводителей крестоносцев Четвертого похода (стр. 8).

Наиболее серьезная ошибка, допущенная, как мы полагаем, Родниковым при анализе текста Анонима, заключалась в том, что он отнес содержание памятника к 1204 г., тогда как в действительности в письме рассказывается о первом вторжении крестоносцев в византийскую столицу, имевшем место в 1203 г. Другая ошибка исследователя состояла в переоценке письма Анонима как якобы единственного свидетельства оче-

метан» (стр. 88) — положение, достаточно четко, хотя и несколько приглушенно отражавшее идею необходимости овладения святыми местами на Востоке и отобрания их у «поклонников Магомета».

¹⁶ «Но бог послал им (крестоносцам. — *М. З.*) неожиданную помощь», — так говорилось в книге В. Федорова о прибытии в Яффу (во время осады Иерусалима первыми крестоносцами) генуэзского корабля с провиантом и инструментами (стр. 36). Тот же автор в качестве якобы действительно имевшего место события воспроизводил такое фантастическое происшествие, упоминаемое некоторыми хронистами, как явление крестоносцам Георгия-Победоносца на вершине горы Елеонской (по словам Федорова, это чудо изменило весь ход битвы за священный град — стр. 38). И т. д. и т. п.

¹⁷ Так, в книге Федорова более или менее близко к истине рисовались мотивы участия крестьянской бедноты в походе 1096 г. (стр. 6); в харьковской брошюре отмечалось, что для правящих кругов католической церкви «крестовые походы, кроме святой цели (*sic!* — *М. З.*), открывали блестящие виды на господство, влияние, богатство, расширение пределов власти на Востоке» (стр. 6). Впрочем, говоря далее о политике Урбана II, автор утверждал, будто папа «давно мечтал о том, чтобы улучшить своею властью участь христиан на Востоке» (стр. 13).

¹⁸ Во второй части исследования приводится прокомментированный самим автором русский перевод этого документа (стр. 12—21), который почти не учитывался историками при описании событий 1202—1204 гг.

видца о событиях падения Константинополя (стр. 12): по-видимому, автор не был знаком ни с «Записками» Робера де Клари (хотя они были опубликованы К. Гопфом еще в 1873 г.), ни с русским летописным сказанием «О взятии Царьграда от фряг».

Независимо от этого, однако, выводы киевского историка относительно ценности изученного им памятника в сравнении с мемуарами Виллардуэна и Никиты Хониата являлись вполне обоснованными. Оба эти писателя, по словам Родникова, составляли свои записки «уже спустя некоторое время после описываемых событий, почему многие частности могли быть позабыты их авторами или ускользнуть при описании ими целого ряда фактов», тогда как «забытый документ» является «*письмом с театра войны*» (стр. 12, курсив Родникова.— М. 3.), и с этой точки зрения он «в некоторых частностях» более достоверен, нежели произведения прославленных историографов Четвертого крестового похода. Действительно, Аноним приводил в своем рассказе такие детали, которые позволяют нарисовать более четкую картину событий в целом, нежели одни только данные западных и византийских повествователей. Несомненная заслуга Родникова в том, что он обратил внимание на этот памятник и произвел его в основном хорошо аргументированный анализ.

Значение этюда Родникова не исчерпывается, однако, одними только выводами фактологического порядка. Родников — один из очень немногих историков Четвертого крестового похода, придерживавшихся близкого к истине мнения по такому существенному вопросу в истории этой крестоносной авантюры, как действительный характер политики Иннокентия III в 1202—1204 гг. Автор отнюдь не шел по стопам тех западноевропейских ученых, которые, слепо доверяясь папскому эпископарию, изображали Иннокентия III убежденным противником изменения направления похода. Сведения Анонима, писал Родников, «невольнo разоблачают истинное отношение к крестоносному движению папства, формально протестовавшего против похода на Константинополь» (стр. 9, прим. 1, разрядка наша.— М. 3.). Воззрения Родникова на политику Иннокентия III в крестовом походе были для своего времени шагом вперед в трактовке этой, по сей день вызывающей споры проблемы.

Этюд Родникова — едва ли не единственная работа по крестоносной тематике, опубликованная непосредственно во время революции. Свое непосредственное продолжение и развитие интерес историков к сюжетам из истории крестовых походов получил уже в эпоху столыпинской реакции и затем в ближайшие годы накануне первой мировой войны. При этом самый характер трудов отечественных историков этого времени претерпел изменения по сравнению с предшествующим. Жанр популярной книги, и тем более архипопулярной брошюры, постепенно уступил свое место, с одной стороны, частным исследованиям сравнительно узких проблем, с другой — развернутым университетским курсам, выдержанным в строго академическом плане.

Из работ этого времени, посвященных частным проблемам истории крестовых походов, отметим критическую статью Успенского об исследовании французским медиевистом Г. Шлюмберже истории египетских походов иерусалимского короля Амальриха I в 60-х годах XII в.¹⁹ Продолжая общую линию, намеченную в своих прежних сочинениях, Успенский и здесь подчеркивал необходимость изучения событий крестоносного

¹⁹ Успенский Г. Походы в Египет короля иерусалимского Амальриха I; G. Schlumberger. Campagnes du roi Amaury I-er de Jérusalem en Egypte au XII siècle. Paris, 1906.— ЖМНП, 1907, № 11, стр. 239—244.

движения в рамках международных отношений эпохи²⁰. По ходу разбора книги Шлюмбержэ в статье рассматривались преимущественно взаимоотношения Византии и Иерусалимского королевства в связи с египетскими кампаниями Амальриха I. При этом Успенский, верный своим старым концепциям и как бы становясь на позиции Никиты Хониата, которого он обильно цитировал, осуждал прозападную политику Мануила Комнина: его поддержка завоевательных планов Амальриха I в Египте шла вразрез «с ожиданиями византийских патриотов» (стр. 241), писал историк, не пытаясь сколько-нибудь четко определить социальный состав ни этой «патриотической партии», ни тех группировок, интересы которых отражала политика императора. Провал военных кампаний иерусалимского короля в долине Нила, по мнению Успенского, доказывает, «как вообще недостижима была задача на востоке, поставленная вождями и руководителями крестовых походов» (стр. 243). То же самое подтверждают и неудачные последующие попытки крестоносцев овладеть Египтом (в 1218—1219 гг. и в 1250 г.). В свете всех этих неудач, заключает Успенский, «исход похода Амальриха (в 1169 г. — М. З.) не может представляться исключительным по своим результатам» (стр. 244).

Популярная литература о крестовых походах в рассматриваемый период представлена в сущности одной книжкой Н. Андреева (Н. Николаина) — «Священные войны или крестовые походы», выпущенной в 1908 г. прогрессивным издательством Ф. Павленкова в серии «Культурно-историческая библиотека» (СПб.). Книжка эта отличается от большинства популяризаторских сочинений начала века своей несомненно большей научной глубиной, стремлением автора разобраться в социальных основах крестоносного движения. Интересно, что Андреев развивал в ней некоторые воззрения, совсем не вязавшиеся с официальными установками. Он был одним из очень немногих, если не единственным, из русских дореволюционных историков, сумевшим дать читателю более или менее законченное, хотя и не во всем вполне верное представление о подлинных предпосылках участия в крестовых походах различных общественных слоев феодального Запада, прежде всего крестьянской бедноты. Рассказав о бедствиях крепостной деревни, автор заканчивал свое повествование таким, довольно метким и даже звучавшим в 1908 г. весьма злободневно выводом: «Кто не ушел в леса и на большие дороги разбойничать и бродяжничать, тот еле переносил свою суровую долю и с злобой взирал на немногих богатых людей. Душу томило страстное желание уйти куда-нибудь, лишь бы избавиться от нужды и бедствий на родине» (стр. 8). Особенно примечательно это суждение о «злобе» бедствовавших крепостных против señоров: автор по существу приближался здесь к пониманию крестьянского крестового похода как своеобразной формы социального протеста. В Европе, отмечал он в другом месте, налицо была «масса недовольных и беспокойных людей» (стр. 12); это недовольство и толкнуло их к участию в крестовых походах. В весьма сильных и точных выражениях формулировал Андреев и важнейшие причины рыцарских крестовых походов. Он писал: так как «поилец-кормилец, крестьянин, сам ничего не имел», а «работать эти дворяне не любили», им «нужно было искать других доходов»; поэтому-то рыцари и «стали разбойничать», сперва

²⁰ Разбирая труд Г. Шлюмбержэ (в начертании Успенского «Шлюмбергера»), критик ставил ему в упрек главным образом то обстоятельство, что он «не ввел взятый им для изучения эпизод в сферу вопросов, рисующих борьбу латинского Запада с греческим и мусульманским Востоком, и наоборот, вследствие чего походы Амальриха имеют вид авантюры, хотя на самом деле за ними нельзя не признать весьма реального значения, если рассматривать их с точки зрения положения дел на Востоке между II и III крестовыми походами» (стр. 243).

у себя дома, а затем, соединившись, нападать, на чужие земли (стр. 8). И далее: «Страны, заселенные арабами, где процветали большие торговые города, где в изобилии царила роскошь²¹, где находились огромные богатства, эти страны составляли особую приманку для рыцарей, мечтавших о грабеже и славе» (стр. 9). Религиозный фактор в крестовых походах автор рассматривал в качестве своеобразного дополнения к главным, по его мнению, материального порядка обстоятельствам, обусловившим крестовое движение. Умонастроение различных общественных группировок накануне крестовых походов изображалось в книжке Андреева вполне в реалистическом духе. Палестина, писал он, рисовалась воображению и рыцарей, и монахов, и простого народа «в виде какой-то сказочной страны, где текут молочные реки в кисельных берегах, где небо вечно ясно и приветливо, где тепло, весело и беззаботно жить. „Вот куда бы нагрянуть!“ — думал иной вояка-рыцарь. „Вот где бы пожить на свободе и в довольстве!“ — мечтал голодный и забытый крестьянин. „И зачем эта благословенная страна, в которой жил наш Спаситель, принадлежит неверным!“ — негодовал какой-нибудь восторженный монах» (стр. 10—11). Такая картина, в которой наипервейшее место занимали земные — хозяйственные и социальные — предпосылки крестовых походов, выгодно отличалась от представлений, развивавшихся в некоторых ранее рассмотренных популяризаторских работах.

Реалистическая окраска свойственна была всему повествованию Андреева. Оно обнаруживает его серьезное знакомство с новейшей по тому времени литературой по крестовым походам. В книжке проявлялись несомненно демократические симпатии автора. В этом отношении наиболее выразительно описание бедняцкого крестового похода (стр. 20 сл.), и с фактической стороны в гораздо большей степени, кстати, чем в других конкретных работах, соответствующее данным источников, которыми автор вообще часто пользуется (стр. 15, 16, 33, 35 и др.). Заслуживает также внимания стремление — на наш взгляд, обоснованное — органически включить поход бедноты 1096 г. в историю первого крестового предприятия в целом. Андреев в этом смысле противопоставлял свою точку зрения взглядам тех историков, которые «не принимают в расчет» «эти беспорядочные передвижения народных масс и первым крестовым походом считают тот, который состоялся год спустя после Клермонского собора» (стр. 21). И позднее, уже излагая события так называемого рыцарского похода 1096—1099 гг., автор не преминул оттенить участие в нем народной массы: «Понятно, — писал он, — что рыцари не одни шли в поход, в их войске находилось множество простого народа, составлявшего пехоту» (стр. 22).

Работа Андреева лишена какого бы то ни было налета клерикализма. Подчеркивая примат практических побуждений у крестоносцев, автор отнюдь не выбрасывает из истории крестовых походов их религиозного элемента: он старается в меру своих возможностей объяснить религиозные мотивы и чувства крестоносцев духом времени (стр. 38). Вся книжка проникнута стремлением к правдивому, достоверному, точному изображению событий и их участников.

Одно из достоинств работы Андреева — внимательное изображение социальных порядков в государствах крестоносцев. В книжке подчеркивается крепостнический характер Латино-Иерусалимского королевства, отсутствие существенной разницы в положении крепостных земледель-

²¹ Далее Андреев уточняет эту формулировку, говоря, что паломникам, посещавшим страны Востока, лишь «казалось, что не только знатные, но и простые люди живут там, в чужих странах, богаче и вольготнее, чем многие из европейских вельмож» (стр. 10).

цев Сирии и Палестины, принадлежавших к разным вероисповеданиям, враждебное отношение коренного населения к завоевателям (стр. 41). Реалистические тенденции этого рода отчетливо чувствуются и в описании внутренней жизни Византии накануне ее завоевания крестоносцами (стр. 59), и в характеристике общественных отношений мусульманского мира (стр. 46), в которой, кстати сказать, совершенно отсутствовали тенденции к пристрастно-одностороннему изображению среды, враждебной крестоносцам, наблюдавшиеся в некоторых других работах.

Хотя в книжке Андреева встречаются фактические неточности, поверхностные объяснения, а в трактовке отдельных вопросов имеет место влияние некоторых окостенелых, традиционных представлений, например о последствиях крестовых походов (стр. 42, 72), тем не менее эта работа выделяется в ряду других, аналогичных ей отечественных изданий начала XX в. реалистичным подходам автора к изображаемым событиям, демократической окраской в толковании социальных проблем, отсутствием клерикальных мотивов, объективностью в изложении исторического материала о мусульманском мире.

Едва ли не наиболее значительным произведением отечественной историографии начала XX в. в интересующей нас области был спецкурс известного слависта А. Н. Ясинского «История крестовых походов», опубликованный литографским изданием в 1909 г. Курс этот в различных вариантах читался им в Юрьевском университете на протяжении целого ряда лет начиная с 1898 г., но особенно широкую аудиторию привлек именно в годы реакции²². Литографское издание курса Ясинского, давно уже ставшее библиографической редкостью²³, представляет большую ценность для исследователя русской историографии крестовых походов²⁴. По своему научному уровню лекции Ясинского стояли намного выше всех прочих сводных работ, изданных ранее на данную тему отечественными учеными, и в целом лекционный курс Ясинского во многих отношениях представлял существенный вклад в разработку крестоносных сюжетов в русской историографии. Весьма детальное изложение фактического материала сочеталось здесь с обстоятельными критическими экскурсами в источниковедческие и историографические проблемы; при этом наибольшую научную и познавательную ценность имели в лекциях именно источниковедческие разделы. Курс Ясинского базировался на лучших по тому времени образцах специальной и общей медиевистической (отечественной и зарубежной) литературы и был отмечен самобытным талантом историка, его совершенно самостоятельным подчас отношением к историческому материалу, местами весьма тщательным собственным анализом источников и событий, многократно описанных в литературе. Специфические задачи учебного курса, читавшегося в университетской аудитории, определили одну, особенно ценную с научной точки зрения черту лекций Ясинского,

²² Из архивных материалов ЦГИА Эстонской ССР, любезно сообщенных нам проф. Ю. Мадиссоном, видно, что если в 1898 г. на лекции Ясинского записалось всего 6 студентов, а в 1904 г. — 26 человек, то в 1908 и 1909 гг. спецкурс по крестовым походам прослушало соответственно 107 и 132 студента.

²³ По сообщению Ю. Мадиссона, оно отсутствует даже в библиотеке Тартуского ун-та. Намя обнаружено в фондах Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина в Москве. О лекциях Ясинского по крестовым походам совершенно не упоминает при разборе его курсов, читавшихся в 1905—1917 гг., М. А. Казакова («Исторические взгляды А. Н. Ясинского». — «Научные доклады высшей школы. Исторические науки», 1961, № 3, стр. 151 сл.).

²⁴ К сожалению, лекции Ясинского в этом издании не завершены: они обрываются кратким, явно скомканным в студенческом переложении рассуждением о результатах крестовых походов (см. А. Н. Я с и н с к и й. История крестовых походов. Юрьев, 1909, стр. 246).

а именно: преобладающий в них аналитический принцип преподнесения материала. Большие и малые события крестового движения раскрывались лектором как бы в самом процессе творческой, «лабораторной» обработки текстов источников и критики литературы.

Главная особенность спецкурса Ясинского состояла в том, что через все лекции красной нитью проходил живой интерес автора к источникам. В самом начале курса был дан общий вводный обзор истории издания источников по крестовым походам, основанный преимущественно на работах киевского медиевиста Ф. Я. Фортинского²⁵, учеником которого Ясинский являлся²⁶, и дополненный отчасти самим автором²⁷. В последующих лекциях Ясинский неоднократно возвращался к источникам и разбирал различные источниковедческие проблемы²⁸. С наибольшей полнотой комплекс источниковедческих вопросов был поставлен в лекциях, непосредственно предшествовавших изложению истории событий 1096—1099 гг. Здесь Ясинский подробно рассматривал основные нарративные и эпистолярные памятники Первого крестового похода (стр. 103—127). Он привлекал при этом ту критическую источниковедческую литературу, которая имела к началу XX в. (Ясинский был прекрасно знаком с трудами Г. Зибеля, Г. Прутца, Г. Хагенмейера), но в то же время многие его заключения базировались, несомненно, на самостоятельном изучении текстов источников, содержание которых местами он излагал с большими деталями. Особый источниковедческий раздел был также предпослан характеристике государств крестоносцев в Сирии и Палестине (стр. 198—205). И здесь, критически используя суждения различных исследователей, Ясинский высказывал вместе с тем оригинальные соображения, основанные на непосредственном знакомстве с трактатами кипрских юристов XIII в. — Филиппа Новарского и Жана д'Ибелина и решительно расходившиеся, в частности, с мнением, выдвинутым Е. Щепкиным²⁹, по вопросу об аутентичности так называемых «Писем гроба господня» (стр. 201 сл.), а также со взглядами ряда западноевропейских авторитетов (П. Пари, К. Сафа) на происхождение Иерусалимских ассиз (стр. 203). Внимательный анализ источников, единственный в своем роде в отечественной дореволюционной литературе по крестовым походам, источниковедчески углубленное освещение фактического материала — несомненные свидетельства высокого научного уровня и главные достоинства курса Ясинского.

Преимущественный интерес к источникам предопределил и характер историографических экскурсов, содержавшихся в лекциях. При рассмотрении трудов историков XIX столетия Ясинского занимало только их отношение к средневековым памятникам. Следуя в этой постановке проблемы методом своего учителя, Ясинский, однако, дал, на наш взгляд, более четкую, по сравнению с Фортинским, оценку трудов Ф. Вилькена и Ж. Мишо (стр. 23), которым с полным основанием противопоставил крити-

²⁵ Имеем в виду исследование Ф. Фортинского «Научная разработка истории первого крестового похода» («Университетские известия», Киев, 1882, № 4—5).

²⁶ См. В. Бузескул. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века, часть первая. Л., 1929, стр. 115, прим. 1.

²⁷ В обзор включены материалы, оставшиеся, по-видимому, неизвестными Фортинскому («Записки» Жоффруа Виллардуэна в изд. Н. де Вайи, 1872), а также более поздние издания памятников крестовых походов («Регесты Иерусалимского королевства» Р. Эррихта, источники, помещенные в V томе «Recueil des historiens des croisades», и др.).

²⁸ См. анализ греческих источников Первого крестового похода на стр. 87—94, разбор контрверсы по поводу письма Алексея I Комнина к графу Роберту Фландрскому на стр. 99 сл., легенды о Петре Пустыннике в свете данных различных хроник на стр. 138 и т. д. и т. п.

²⁹ Е. Щепкин. Иерусалимское королевство. — «Книга для чтения по истории средних веков», под ред. П. Г. Виноградова, ч. II. СПб., 1897, стр. 503 сл.

ческое исследование Г. Прутца «Культурная история крестовых походов» (1883), отнеся ее «к числу лучших произведений исторической литературы второй половины 19 века» (стр. 25). Кроме того, Ясинский включил в свой обзор некоторые новые работы русских историков; впрочем, он уделил им лишь по несколько беглых замечаний скорее библиографического, чем аналитического характера³⁰.

Собственно исторические разделы курса Ясинского охватывают предысторию и историю Первого крестового похода, а также Иерусалимского королевства. По полноте охвата темы в целом они уступают некоторым другим общим работам отечественных историков. В то же время курс Ясинского выгодно отличается от остальных историй крестовых походов широким, «всемирно-историческим» подходом к теме.

В лекции была включена характеристика состояния мусульманского мира накануне крестовых походов. При этом Ясинский отмечал ошибочность представления о том, что, поднимаясь на крестовые походы, Европа будто бы «шла на борьбу с невежеством и варварством». Этот тезис лектора был несомненно направлен против апологетики крестовых походов. Большое внимание в курсе уделялось также истории Византии, ее социально-экономическому и политическому развитию. Развивая в какой-то мере концепцию Успенского, Ясинский даже утверждал, что крестовые походы вообще можно рассматривать просто как «эпизод из истории Византии» (стр. 49). Что касается изображения событий собственно крестовых походов, то в нем отсутствовали малейшие следы какого бы то ни было влияния конфессиональных установок. Продолжая положительные традиции буржуазной историографии, Ясинский рисовал крестовые походы в общем и целом как движение, обусловленное причинами реального характера: на первый план он повсюду выдвигал светский элемент крестоносных предприятий (стр. 133 и др.)

Однако на решении им ряда важных проблем крестовых походов отрицательно сказались некоторые распространенные в литературе конца XIX — начала XX в. ложные социологические теории. Так, пытаясь определить историческое место крестовых походов, Ясинский руководствовался в сущности антинаучным стремлением подвести исторический фундамент под современные международные конфликты; он делал это с помощью метафизического представления о вековой борьбе между Востоком и Западом, происходящей якобы, по его мнению, и «в наше время в виде борьбы с желтой опасностью» (стр. 4). Разделяя это ошибочное представление, в котором в полной мере сказалось присущее буржуазной исторической науке конца XIX — начала XX в. отрицание исторического развития³¹, Ясинский полагал даже, что эта борьба Запада с Востоком всегда являлась плодотворной для человечества: конфликты между народами, принадлежащими к различным очагам культуры, «вызывают обмен идей и создают более высокую цивилизацию» (стр. 5). Эта методологически несостоятельная схема была и политически порочной.

С точки зрения принципиальных оценок и решения коренных проблем крестоносного движения лекции Ясинского отличались противоречивостью: трезвый, реалистичный анализ нередко сочетался в них с традиционно-идеалистическими, неверными по существу характеристиками и оценками; свежие, интересные мысли, проливавшие новый свет на ход событий и вносявшие новые оттенки в их понимание, — с графяретными, подчас

³⁰ Кстати говоря, книгу Ф. И. Успенского Ясинский ошибочно рассматривал как «п е р в у ю (разрядка наша. — М. З.) попытку оценить историю крестовых походов с русской точки зрения» (А. Н. Я с и н с к и й. Указ. соч., стр. 26).

³¹ См. А. И. Д а н и л о в. Проблемы аграрной истории раннего средневековья в немецкой историографии. М., 1958, стр. 87 сл.

наивными толкованиями многих фактов. Так, Ясинский верно определял социальные побуждения крестоносцев-крестьян, когда говорил о «тяжелом положении крестьянского населения на всем Западе» накануне крестовых походов, о том, что «крестьяне и бедняки мечтали найти на Востоке лучшее обеспечение своей человеческой личности», что «крестовые походы стали знаменем освобождения» (стр. 136). Но в то же время коренные причины успеха крестоносной пропаганды папства в массах он усматривал в «идеальных увлечениях» (стр. 135), в том, что «идея крестового похода являлась разрешением того умственного переворота, который переживало в ту пору европейское общество» (стр. 134) и суть которого раскрывалась им в идеалистическом духе, притом довольно сбивчиво. По мысли Ясинского, происходившая в XI в. борьба империи с папством представляла собою спор «между духовным направлением и материальным», спор по поводу «вечной человеческой проблемы, которой никогда, по-видимому, не суждено получить разрешения» (sic! — М. З.). Не только «лучшие люди» того времени, но «массы народные», по Ясинскому, якобы «инстинктивно чувствовали» глубину конфликта; а поскольку «этот спор под влиянием исторических условий особенно обострился, получилось сознание неудовлетворенности человеческого существования» (стр. 134). Отсюда — поиски современниками возможности «примирить две сущности, духовную и материальную» и как итог этих поисков — принятие массами «идеи крестового похода», идеи, в которой широкие круги охотно склонны-де были находить желанное «примирение» двух начал: «идеальная цель, служение церкви», осуществимая, однако, «лишь материальными средствами» (стр. 134—135).

Такого рода путаные рассуждения в курсе Ясинского были явным отголоском не критически воспринимавшихся им идеалистических построений западной историографии крестовых походов (Зибель и др.).

Иногда подлинные черты эпохи подменялись историком схоластическими абстракциями, увлекшись которыми он искажал картину европейской действительности конца XI в. По его словам, например, подъем духа, совершившийся на Западе под влиянием идеи крестового похода, вызвал значительное улучшение во всех сферах общественной жизни: «После века одичания и упадка нравы очищаются, люди (увлекаются) идеальными побуждениями и стремлениями, а это нравственное очищение сопровождалось, как и обыкновенно бывает (sic! — М. З.), подъемом материального благосостояния» (стр. 135) — суждение, явно противоречившее оценке самим Ясинским материальных предпосылок участия бедноты в крестовом походе.

Самая слабая, хотя и наиболее обширная часть курса Ясинского — описание устройства Иерусалимского королевства: из его поля зрения совершенно выпала социально-экономическая история государства крестоносцев; почти все внимание историк сосредоточил на анализе его политической организации, характеризовавшейся им в плане традиционных представлений об «идеальном феодальном государстве» (стр. 198), которое сложилось будто бы в результате целенаправленной деятельности крестоносных рыцарей (там же).

Последние работы русских дореволюционных историков по крестовым походам относятся ко времени, непосредственно предшествовавшему первой мировой войне, и к ее начальному периоду, когда интерес к крестоносной проблематике оживился преимущественно в связи с новым обострением международной обстановки, в том числе на Ближнем Востоке³².

³² Ярким показателем особенно тесной связи истории и политики, характерной для деятельности ряда ученых этого времени, могут служить публицистические статьи

В 1914 г. в «Сборнике трудов в честь Н. И. Кареева» (СПб.) была опубликована блестяще написанная статья известного палеографа и историка О. А. Добиаш-Рождественской «Письмо князей-крестоносцев к папе Урбану». Формально статья носила узкоисточниковедческий характер. Автор рассматривал в ней послание предводителей Первого похода к Урбану II, написанное вскоре после взятия ими Антиохии в 1098 г., прежде всего ради установления степени его достоверности. Посредством целой серии тонких наблюдений, сличения различных рукописных вариантов документа (одну из рукописей — парижскую XII в. — автор держал в руках³³) и т. д. автор делал вывод, что в сохранившемся виде письмо князей не является безусловно аутентичным эпистолярным памятником, а представляет собой плод редакторской обработки. Первоначально, по поручению Боэмунда Тарентского, было изготовлено послание к папе с призывом явиться в Палестину и привести с собой новые контингенты крестоносцев. Эта основа, или ядро, документа была затем, при переписывании его, дополнена без ведома вождей крестоносцев их поименным списком и заключением, в котором вторично было подчеркнуто обращение к папе. Эта часть письма, содержащая в себе мотивировку послания, была составлена «в кругах, близких курии, может быть, в Палестине, вернее — на Западе» (стр. 43).

Таким образом, исследовательница различала в документе изначальный текст и интерполяции: вступительный список князей, от имени которых якобы написано послание, торжественный заключительный призыв к папе, а также сообщение о находке святого копья. Однако не этот, по своему характеру частный вывод составил главный итог работы исследовательницы. Проанализировав содержание заключительной интерполяции и с полным основанием предположив, что источником ее были круги, близкие к курии, Добиаш-Рождественская высказала некоторые важные принципиальные соображения касательно политики папства в связи с организацией им Первого крестового похода. Добиаш-Рождественская показала, что содержащаяся здесь «историческая философия... вовсе не является... банальным украшением» в документе. «Она слишком ярко окрашена думами и желаниями определенного момента и определенных кругов», а именно: в интерполяционных рассуждениях имеются ясные указания на действительные «мотивы папской пропаганды крестового похода» (стр. 41). У папы было одно решающее побуждение, которое, по словам историка, «ранее всякой идеи крестового похода против ислама направило на исламский восток внимание римских первосвященников и не переставало занимать их мысли до того дня, когда крестоносцы заняли Сирию и Палестину». Заключалось оно в том, чтобы «наложить руку на патриархаты Антиохии, Александрии и Иерусалима и оторвать эти восточные церкви от влияния греческой, „схизматической“». Это побуждение «перевешивало все остальные и ничего не заставляло (курию. — М. З.) желать так горячо, как завоевания этих областей западными христианами» (стр. 42).

Ф. И. Успенского, регулярно публиковавшиеся в 1915—1916 гг. и дававшие трактовку восточного вопроса, соответствовавшую политическому курсу самодержавия. См. Ф. И. Успенский. Всемирноисторическое значение переживаемых событий. — «Биржевые ведомости», 31 марта 1915 г.; он же. Конкуренция народов на Ближнем Востоке. «Биржевые ведомости», 6 апреля 1915 г. (см. также «Сообщения Российского палестинского общества», т. 29. Л., 1926, стр. 1—27); он же. Действительные и мнимые позиции на Ближнем Востоке. — «Биржевые ведомости», 13 апреля 1915 г.; он же. С кем пойдет Константинопольский патриарх? — «Биржевые ведомости», 27 апреля 1915 г.; он же. Религия и политика. — «Биржевые ведомости», 1 июня 1915 г.; он же. Как понимать восточный вопрос? — «Русская будущность», 1916, № 21—22.

³³ См. Сборник в честь Н. И. Кареева. СПб., 1914, стр. 32, прим. 9.

В письме князей к Урбану II, указывала исследовательница, пером человека, близкого к курии, была начертана целая программа, составлявшая незримую основу всей крестоносной деятельности папства. Автор заключительной интерполяции документа словом «раскрыл в ней видение, которое волновало в эти годы душу папского Рима: Гроб Господень — освобожденный, древняя кафедра Антиохии — осиянная блеском наместничества св. Петра, крестоносное войско — в роли слуг и подручников папы, схизматики и еретика, сирийцы и якобиты — склонившиеся перед его властью, весь мир — ему повинующийся...» (стр. 43). Добиаш-Рождественская усматривала во всем этом «одну из могучих и настойчивых тенденций курии, заветнейших ее мыслей» (там же).

Вывод статьи гласил: «Возможно, что вооружая человечество против мусульманского Востока, папы, в глубине души, больше всего имели в виду Восток „схизматический“» (там же). Делая этот вывод, автор по сути дела воспроизводила точку зрения Успенского и Попова, их понимание подлинных мотивов, руководивших действиями римских первосвященников, направленными к организации крестовых походов. Притом Добиаш-Рождественская мыслила себе эти мотивы в чисто идеалистическом плане: она полагала, что, замышляя завоевание схизматического Востока «западным христианством», папы исходили просто из необходимости соблюсти «традиции церкви», «коей универсальность, постоянно подчеркиваемая, как проявление ее божественной мысли, была тяжело скомпрометирована расколом и ересью». Лишь вскользь и несколько туманно говорилось в статье о «самых непосредственных интересах» (там же) католической церкви, определивших пропаганду и практические мероприятия в области подготовки и проведения крестового похода.

Тем не менее в этих расплывчатых формулировках был шаг вперед в истолковании проблемы крестоносной политики Рима по сравнению с воззрениями западноевропейских исследователей аналогичных проблем (В. Норден) (стр. 32). Именно в обосновании предствления о своеобразном, продиктованном реальными потребностями универсалистской политики папства характере его крестоносной деятельности заключался один из самых плодотворных результатов исследования Добиаш-Рождественской.

Близкий круг проблем, но уже применительно к политике папства в начале XIII в. по отношению к Латинской империи, возникшей в результате Четвертого крестового похода, рассматривался в опубликованной в том же, 1914, году брошюре известного византиниста Б. А. Панченко «Латинский Константинополь и папа Иннокентий III» (Одесса). Путем обработки данных переписки Иннокентия III от 1204—1215 гг., венецианских грамот, известий Никиты Хониата и Георгия Акрополита, актов Латеранского собора 1215 г. автор обстоятельно осветил политику и дипломатию Иннокентия III в Константинополе после утверждения там крестоносцев, его деятельность по организации латинского патриархата под эгидой римской курии. При этом он раскрыл весьма неприглядную картину постоянных раздоров и склок между венецианскими и французскими церковниками, вызванных стремлением тех и других овладеть максимальным количеством наиболее доходных церковных должностей в латинском патриархате (стр. 19 сл., 36, 40 сл.). Панченко нарисовал выразительные образы «латинских пришельцев, скрывавших под митрой алчность и нетерпимость» (стр. 16). Особенно удался историку портрет первого латинского патриарха Константинополя — венецианца Томмазо (Фомы) Морозини, в деятельности которого, по словам автора, «незаметно ни одного идеального мотива... за пределы своих денежных и административных претензий Фома не поднимался» (стр. 44).

В своей книжке Панченко освещал также попытки папства насадить церковную унию в Латинской империи. Рассматривалась деятельность в этом направлении легатов Иннокентия III — Бенедикта в 1205—1207 гг. (стр. 25) и Пелагия д'Альбано в 1213 г. (стр. 50 сл.), показывалось сопротивление унии со стороны греческого духовенства, ободренного, по выражению Панченко, «образованием независимых политических центров в Никее и Эпире» (стр. 49). Слабым местом в освещении им этого комплекса вопросов являлось то, что он не сумел выявить подлинные глубокие причины провала миссии обоих папских посланцев в Латинской империи. Панченко, правда, писал, что здесь «шла борьба не на жизнь, а на смерть» (стр. 59), однако ошибочно сводил ее исключительно к сопротивлению православного духовенства латинскому. В силу своей идейно-методологической ограниченности буржуазного ученого он не смог (да и не пытался) разглядеть те широкие общественные силы, действия которых предопределили неудачу церковно-политического курса папства.

В 1915 г. был опубликован литографированный курс лекций видного русского медиевиста, знатока средневековых источников Егорова «Крестовые походы»; этот курс, прочитанный им на Московских высших женских курсах в 1914—1915 гг., построенный проблемно, по словам самого лектора, был направлен главным образом против одной «формулы» западноевропейских историков, согласно которой «крестовые походы были характерным эпизодом средневековья», а Первый крестовый поход был «типичным для остальных» (ч. I, стр. 12—14, 62). Критика Егоровым этой «формулы» внесла много нового в понимание предпосылок и характера крестового движения³⁴.

Последним по времени произведением русской дореволюционной историографии крестовых походов является исследование П. М. Бицилли «Новгородское сказание о IV крестовом походе», опубликованное в 1916 г.³⁵ Тема исследования — известия Новгородской летописи о Четвертом крестовом походе. Конкретные результаты этой работы представляют определенную научную ценность. В очень скромном по размерам, всего в шесть с небольшим страничек, этюде Бицилли рассматривает поставленную им тему в основном в источниковедческом аспекте. Автора прежде всего занимает вопрос об источниках, или, вернее, источнике той версии относительно дипломатической предыстории Четвертого похода, которая получила свое выражение в Новгородской летописи³⁶ и согласно которой «этот поход был решен *совместно* (курсив автора.— М. З.) папой и Филиппом Швабским» (стр. 55). Посредством скрупулезного филологического анализа текста новгородского сказания, главным образом особенностей начертания в нем собственных имен и географических названий (они передаются летописцем на немецкий лад: «Берн» — Верона, «Венедикт» или по другому списку «Венедик» — Венеция и т. п. — стр. 56—58), а также на основании давно отмеченного исследователями факта знакомства русских сказителей и летописцев с немецкими сказаниями, в том числе о «поганом и злом Дедрике», т. е. Дитрихе Бернском, упоминаемом и в Новгородской летописи, Бицилли приходит к заключению, что источником информации для автора новгородского сказания о Четвертом крестовом походе были немецкие крестоносцы: «...новгородец услышал рассказ о

³⁴ См. подробнее в нашем обзоре в ВВ, IV, 1951, стр. 184 сл.

³⁵ Насколько мы можем судить, впоследствии историк никогда не возвращался к истории крестовых походов: находясь после Октябрьской революции в эмиграции, он занимался другими проблемами средневековой истории и, кроме того, написал ряд исследований по истории русской литературы XIX в.

³⁶ П. Бицилли. Новгородское сказание о IV крестовом походе.— «Исторические известия». М., 1916, № 3-4, стр. 55.

крестовом походе из немецких уст» (стр. 58). Таково одно из главных положений разбираемой статьи.

В ней имеется и другая часть, посвященная анализу новгородского сказания о походе на Константинополь по существу. В итоге этого анализа Бицилли сделал вполне убедительный вывод о том, что перед нами — версия немецкого происхождения, или, более четко: «Новгородская летопись отразила в себе официальную „гибеллинскую“ точку зрения на значительнейшее из мировых событий того времени» (стр. 60).

Если конкретно-исторические результаты, добытые Бицилли в процессе исследования текста новгородского сказания, представляются в общем соответствующими действительности и являются определенной лептой в изучение Четвертого крестового похода, то нельзя никоим образом считать безупречными некоторые принципиальные из его исходных позиций. В своей общей трактовке истории Четвертого крестового похода Бицилли объективно примыкал в известной мере к «теории германской интриги» П. Риана³⁷. Правильно подметив тенденциозность «гибеллинской точки зрения» (в передаче ее новгородским летописцем), стремление немецкого источника русского летописца выгородить короля штауфенской Германии, подчеркнув, что франки своими действиями якобы нарушили требования Филиппа Швабского не чинить зла Царьграду (стр. 59), Бицилли в то же время — вслед за Рианом — невольно преувеличивал действительную роль германской дипломатии в крестоносном предприятии. По-видимому, не только на выбор темы, но и на суждения историка оказала свое воздействие политическая ситуация времени написания его статьи: в ней явственно заметно влияние антигерманских настроений.

Критикуя далее «гибеллинскую» точку зрения на события 1202—1204 гг., как она отразилась в Новгородской летописи, Бицилли утверждает, будто она приписывала Филиппу Швабскому требования, которые на самом деле исходили от Иннокентия III («не навязывать грекам „Исааковича“ насильственно и вообще не делать им зла» — стр. 59). В другом месте он характеризует политику этого папы как «слабую и последовательную только в своем оппортунизме» (стр. 55). Оба эти высказывания свидетельствуют об ошибочности воззрений Бицилли на сущность и характер дипломатии Иннокентия III во время Четвертого крестового похода; в этом отношении гораздо более точными были воззрения В. Родникова.

* * *

Общие итоги обзора трудов отечественных историков о крестовых походах, изданных в начале XX в., могут быть сформулированы в следующем виде. Русские медиевисты обнаруживают в этот период значительный интерес к крестоносной проблематике, в конечном счете обусловленный определенными внутри- и внешнеполитическими факторами. С одной стороны, он был связан с попытками господствующих классов и служившей им церкви расширить и углубить религиозную пропаганду (в том числе на историческом материале), чтобы таким путем помешать распространению революционных идей среди народных масс. С другой стороны, повышенное внимание к крестоносной проблематике вызывалось потребностями исторического обоснования политического курса самодержавия на Ближнем Востоке («восточный вопрос»). Неудивительно поэтому, что работам большинства отечественных историков начала XX в. были присущи принципиальные недостатки, вытекавшие из классово-полити-

³⁷ См. P. R i a n t. Innocent III, Philippe de Suabe et Boniface de Monferrat. Paris, 1875.

ческой природы их исторического мировоззрения, методологической слабости, идейной ограниченности этих историков как идеологов российских буржуазно-помещичьих кругов. Русская, так же как и зарубежная, историография этого периода не сумела дать правильного решения коренных вопросов истории крестовых походов. Работы большинства русских историков, как правило, были проникнуты идеализмом. Во многих из них проводились реакционные политические идеи, служившие делу обоснования захватнической внешней и реакционной внутренней политики самодержавия.

Вместе с тем отечественная историография начала XX в. имела ряд серьезных достижений в разработке некоторых общих и частных вопросов истории крестовых походов. Русские историки нередко поднимали новые вопросы, не привлекавшие интереса западных исследователей, или давали свежую, свободную от западной предвзятости трактовку проблем, ставившихся ранее в зарубежной историографии. Немалую роль в успехах отечественной медиевистики на поприще изучения истории крестовых походов играло пристальное внимание к источникам, проявлявшееся как в исследовательских, так и отчасти в научно-популярных трудах (в том числе в лекционных курсах); самая направленность интересов отечественных авторов побуждала их к расширению используемого круга памятников, в частности за счет византийских источников.

Развитие русской историографии крестоносной проблематики в значительной мере шло самостоятельным путем. Учитывая результаты исследований, главным образом французских и немецких медиевистов, и в то же время подвергая их обстоятельной критике, отечественные историки во многих случаях выдвигали собственные концепции, убедительно их развивали и доказывали.

Заслугой отечественных исследователей начала XX в. являлось скрупулезное изучение некоторых существенных, хотя и частных по своему характеру, источниковедческих и историографических проблем крестовых походов — в особенности Первого и Четвертого. Работы Родникова, Ясинского, Добиаш-Рождественской, Панченко, Бицилли уточнили ряд представлений о конкретных событиях и явлениях, характеризующих отдельные моменты крестоносного движения (политика папства в крестовых походах и т. д.). Были сделаны важные шаги в области изучения крестовых походов в рамках истории международных отношений XII — XIII вв. (Успенский). Была обстоятельно выявлена и резко подчеркнута материальная основа крестоносного движения (Попов, Андреев, Ясинский, Панченко, Егоров). В отличие от большинства западноевропейских историков, русские исследователи оттенили захватнический характер этих рыцарских войн, осудив в самых суровых словах варварское поведение крестоносцев на Востоке (Успенский, Попов и др.). Низведение «подвигов» рыцарей креста на уровень грабежа объективно способствовало развенчанию крестовых походов: работы отечественных исследователей, рассеивая тот нимб, которым расцвели деяния крестоносцев католические историки, способствовали тем самым выработке более точных и правильных научных представлений о крестоносном движении.